

М.А. ПОЛЯКОВСКАЯ
ЕКАТЕРИНБУРГ

ИМПЕРАТОР И НАРОД В ВИЗАНТИИ XIV В. В РАМКАХ ЦЕРЕМОНИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Одной из основных идей византийской политической теории, оформившейся еще в ранний период жизни империи, была мысль о единстве народа и власти. Прежде всего, это выразилось в наделении столичного населения особыми правами, в том числе правом прославления, просьб, пожелания или порицания. Наиболее ярко эти права народа в раннюю эпоху проявлялись в аккламациях димов.

Образ императора складывался в генетической связи с античными и эллинистическими традициями; понятие «народ», прежде всего, соотносилось с населением Константинополя¹. Позднее права народа утратили в политическом сознании прежнее гражданское значение. Однако неверным было бы считать, что византийская политическая теория с течением столетий отказалась от тезиса о значимости избрания императора народом, хотя несомненно, что век от века наполнение постулата о связи власти и народа корректировалось в сторону его формализации и постепенного вытеснения реального содержания в рассматриваемом сегменте власти.

В трактате Псевдо-Кодина «О должностях»² народ как участник церемоний и связанных с ними ситуаций упомянут 17 раз и словесно выражен через понятия δ λαός, τὸ πλῆθος и лишь единожды он определен как δ δῆμος.

¹ БЕКК Н.-Г. Senat und Volk von Konstantinopel. Probleme der byzantinischen Verfassungsgeschichte // Bayerische Akademie der Wissenschaften. Philos.–Hist. Klasse. Sitzungsberichte. 1966. H. 6. München, 1966; DAGRON G. Naissance d'une capitale. Constantinople et ses institutions de 330 à 451. P., 1974.

² Pseudo-Kodinos. Traité des offices / Introd., texte et trad. par J. VERPEAUX. P., 1976 (далее – Ps-Kod.).

Присутствие народа («множества людей», «толпы», «жителей города») в церемониале более всего ощущается в VII главе, посвященной обряду коронации императора (13 упоминаний). По сути дела народ, по Псевдо-Кодину, присутствует на каждом этапе коронации. Обобщая, он заметил, что «на коронацию, помимо сановников, архонтов, армии собирается вся остальная толпа жителей города» (τὸ λοιπὸν ἄπαν πλῆθος τῆς πόλεως)³.

На первом этапе, после написания императором собственноручно символа веры, он поднимался в Триклиний, перед которым «стоит толпа и армия» (τὸ πλῆθος ἄπαν Ἰσασταὶ μετὰ τοῦ φωσσάτου)⁴. Заметим, что на этом этапе народ назван Псевдо-Кодином раньше, чем армия.

На втором этапе, когда один из членов синклита по приказанию императора разбрасывал эпикомпии – «куски ткани, в которые обмотаны 3 золотых номисмы, 3 монеты серебра и 3 обола», объектом его действий был только народ, без упоминаний архонтов и армии: монеты бросались «в народ» (εἰς τὸ πλῆθος)⁵.

На третьем, очень важном этапе коронации, выражавшемся в поднятии императора на щите, чтобы «он был виден всей толпе стоявших вокруг» (φαίνεται πᾶσι τοῖς κάτωθεν ἰσταμένοις πλήθει)⁶. Любопытно заметить, что Г. Острогорский, специально рассматривая эту ситуацию в своей уже ставшей канонической статье «Эволюция византийского обряда коронации», ссылается как на источник не на сочинение Псевдо-Кодина, а на «Историю» Иоанна Кантакузина, оговаривая, что «у Псевдо-Кодина этого замечания нет»⁷. Однако, тексты Иоанна Кантакузина и Псевдо-Кодина реально совпадают⁸, и высказанное Г. Острогорским замечание было, вероятно, случайным упущением со стороны ученого.

«Приветствуемый народом и армией» император (Ἐπιφημίσαντος δὲ τοῦ λαοῦ καὶ τοῦ φωσσάτου)⁹, спустившись со щита, направлялся

³ Ps-Kod. P. 251.12.

⁴ Ibid. P. 254.29 – 255.1.

⁵ Ibid. P. 255.10-11.

⁶ Ibid. P. 255.22-23.

⁷ Острогорский Г. А. Эволюция византийского обряда коронации // Византия, Южные славяне и Древняя Русь, Западная Европа: Искусство и культура. М., 1973. С. 38. Прим. 26.

⁸ Ioannis Cantacuzeni eximperatoris Historiarum libri IV / Cura L. SCHOPENI. Bonnae, 1828-1832. Vol. P. 197.1: τοῖς πλήθεισιν ἐπιεικνύουσι τὸν βασιλέα πάντοθεν περιϊσταμένοις.

⁹ Ps-Kod. P. 256.15-16.

в храм св. Софии, где он и должен был быть коронован. В этом фрагменте трактата армия как неперенный участник акта коронации василевса поставлена Псевдо-Кодином на второе место после народа.

На следующем, четвертом, этапе церемонии, после божественной литургии и миропомазания василевса, «все остальные из народа» (τὸ λοιπὸν τοῦ λαοῦ πλῆθος)¹⁰ произносят трижды «Свят!» вслед за патриархом, совершающим обряд крещения, и теми, кто находился на амвоне возле него. На голову василевса патриархом со словами «Достоин!» возлагалась стемма, после чего те, кто находился на амвоне, и остальной народ (τὸ λοιπὸν τοῦ λαοῦ ὑπηκόου λαοῦ)¹¹ трижды громко кричали «Достоин!» Этот кульминационный этап завершался молитвой патриарха за василевса, василиссу и весь подданный народ (καὶ παντὸς τοῦ ὑπηκόου λαοῦ)¹².

К ритуалу коронации императора примыкали две обязательные акции, присутствие на которых народа являлось неперенным. После причащения патриархом император вновь возлагал на голову стемму и, выйдя из алтаря, участвовал в раздаче освященного хлеба-антидорона народу (τῷ λαῷ)¹³.

На другой после коронации день император (или императоры, если короновались отец и сын) направлялись в другие дворцы, где сенаторы снова разбрасывали народу (τῷ λαῷ) эпикомпии¹⁴.

Псевдо-Кодин так поясняет значение последней акции: «Смысл этой раздачи номисом заключается в желании императора, чтобы все архонты и сыновья архонтов, и армия, и народ (τὸν δῆμον) радовались вместе с ним, угощались и пили за счет императора»¹⁵. Видимо, эта фраза отражала не просто ситуацию реального присутствия народа на том или ином этапе коронации (как это было рассмотрено выше), но представляла скорее формулу, отражающую концепцию власти¹⁶. Надо полагать, что именно потому Псевдо-Кодин назвал здесь народ ὁ δῆμος, а не ὁ λαός и не τὸ πλῆθος.

¹⁰ Ps-Kod. P. 258.27-29.

¹¹ Ibid. P. 259.20-22.

¹² Ibid. P. 262.4-5.

¹³ Ibid. P. 268.22-23.

¹⁴ Ibid. P. 271.4-5.

¹⁵ Ibid. P. 271.17-24.

¹⁶ Это типичное проявление такой идеи императорской власти, как ἡ φροντίς, где василевс выступает как пастырь подданных. См.: HUNGER H. Prooimion. Elemente der byzantinischen Kaiseridee in den Arengen der Urkunden. Wien, 1964.

За пределами коронационной главы народ появляется в пределах коронационного пространства еще 4 раза.

В III главе обрядника отражена ситуация, которая может быть связана с древним правом народа на просьбу и жалобу. Во время выезда императора за пределы дворца любой человек из толпы мог обратиться к василевсу. Обычно при выездах императорскую кавалькаду сопровождали музыканты с цимбалами, буксинами, а также трубачи, ибо звук именно труб являлся оповещающим о приближении императора и его свиты. Псевдо-Кодин поясняет: «Звук этих инструментов означает, что если кто-нибудь из народа (τοῦ λαοῦ) желает высказать жалобу и просьбу, то, услышав их, он может прибежать и высказать свою жалобу на несправедливость»¹⁷.

Мы знаем, что право жалобы это древнее право народа. Однако в обряднике есть довольно забавное в своей критичности добавление. Псевдо-Кодин сообщает, что подобные громкие оповещения о приближении императора случались лишь при утренних выездах. Когда василевс покидал пределы дворца в послеобеденное время, то музыкального сопровождения уже не было. Автор обрядника отмечает, что причины этого неизвестны, выдвигает следующую версию: «...люди из народа (οἱ τοῦ πλῆθους ἄνθρωποι), утром воздержанные, после обеда же в большинстве (ἐπὶ τὸ πλεῖστον) напиваются (μεθύουσιν) и становятся более дерзкими». Поэтому-то, по Псевдо-Кодину, трубят только по утрам, а не после обеда, «...чтобы кто-либо не приблизился к императору и не повел себя недостойно»¹⁸.

Право народа на порицание и жалобу может быть рассмотрено также и на основании другого фрагмента III главы обрядника, хотя там скорее речь идет не о реальных правах, а о придворном обычае иметь при выездах императора сопровождающих лошадей. Псевдо-Кодин взял в качестве примера для подтверждения обычая давнюю ситуацию из времен Феофила¹⁹. Однако использование автором этого примера может быть истолковано как подтверждение допустимости для сознания византийца XIV в. проявления подобных прав. Описанная автором обрядника ситуация такова. К василевсу, скакавшему на коне во главе кавалькады, обратилась некая женщина, кричавшая, что лошадь, на которой сидит василевс, принадлежит ей, но эпарх, которому лошадь приглянулась, забрал ее, чтобы подарить императору от своего имени.

¹⁷ Ps-Kod. P. 172.17-20.

¹⁸ Ibid. P. 173.7-15.

¹⁹ Ibid. P. 170.11 – 171.7.

После некоторой заминки было выяснено, что женщина говорила правду, и император тотчас же спустился с лошади и вручил ее владелице, оставшись сам без коня (откуда и пошел обычай иметь сопровождающих лошадей).

В главе Ш обрядника, посвященной придворным праздникам, при описании церемонии торжеств по случаю Рождества, после трехкратного произнесения императором требования «Мой диканикий!» (это было неким сигналом для входа гостей) в зал впустили народ (τὸν λαόν)²⁰. Таким образом, не только коронационный обряд, но и дворцовые празднества требовали, соответственно церемониалу, участия в них «толпы».

И, наконец, бросая взгляд на общее церемониальное пространство, можно обратить внимание и на следующий ситуационный момент, связанный с выездами василевса. Охранявшие императора воины-вардариоты, находясь перед императорским конем и держа вертикально свои жезлы, разгоняли ими народ (τὸν λαόν)²¹. Здесь народ назван, казалось бы, лишь как объект полицейских функций вардариотов. Но, с другой стороны, без присутствия народа императорский выезд был бы лишен зрелищности.

Стремясь выявить роль народа в XIV в. в пределах официального ритуала, вспомним об упоминании в IV главе «Трактата о должностях» Псевдо-Кодина такой официальной категории, как димархи (οἱ δήμαρχοι). Как известно, в табель о рангах (глава I обрядника) они не входили и, видимо, играли при дворе лишь незначительную роль в парадно-декоративном ритуале праздников Рождества и Крещения. Димархи названы Псевдо-Кодином при описании церемонии прокипсиса в сочельник перед Рождеством: их знаки отличия находились позади фламул деспотов и архонтов²².

Кто же такие димархи? Имели ли они какое-либо отношение к народу? М.А. Андреева полагала, что димархи «...сохранились, как главари городского населения и в XIV веке. Трудно определить их значение, но, по-видимому, не простая случайность, что сохранились именно они, как представители городской политической части димов...»²³. Думается, что исследовательница сделала несколько надуманный вывод как в вопросе о значимости некоей городской организации в форме

²⁰ Ps-Kod. P. 192.2.

²¹ Ibid. P. 182.5.

²² Ibid. P. 196.29-33.

²³ АНДРЕЕВА М.А. О церемонии «прокипсис» // *Seminarium Kondakovianum*. 1927. Vol. 1. P. 159.

Император и народ в Византии XIV в.

димов, так и по поводу значимости димархов. Однако четыре десятка лет спустя после выхода работы М.А. Андреевой Г. Вайс также выделил значение димархов как связующего звена между народом и императором²⁴. Как видим, тезис относительно значимости поздневизантийских димов представлен не единичным высказыванием, хотя скорее он производит впечатление мифа.

В чем, однако, была права М.А. Андреева, так это в утверждении, что определить значение димархов трудно. Действительно, византийские источники XIV в. сохранили лишь крайне скудные сведения о димархах. В письме патриарха Афанасия I есть упоминание о двух димархах, заботившихся о проблеме продовольствия в столице²⁵. «Просопографический лексикон времени Палеологов» содержит имя одного димарха – некоего Антиохитиса, жившего в 1303–1309 гг.²⁶ К.-П. Мачке усмотрел в димархах пережиток древней народной организации; в конце палеологовской эпохи они могут быть выполняли функции охраны в городах²⁷.

Как бы то ни было, в пределах церемониального пространства димархи не играли какой-либо заметной роли, участвуя лишь в церемонии прокипса.

В целом, представленная Псевдо-Кодином через призму церемониала идея императорской власти содержит в качестве ее основы триаду «архонты – армия – народ», входившую в концепцию власти, начиная с ранневизантийских времен²⁸. Можно было бы без тени сомнения сказать о минимизации значения народа в политической практике эпохи Палеологов, но наряду с этим в концептуальной сфере (а церемониал является отражением концепции власти) роль народа представляется репрезентативной. Хотя народу («толпе», «множеству людей», «жителям города») отведена в обряднике скромная роль

²⁴ WEISS G. Joannes Kantakuzenos – Aristokrat, Staatsmann, Kaiser und Mönch – in der Gesellschaftsentwicklung von Byzanz im 14. Jahrhundert. Wiesbaden, 1969. S. 76, 136.

²⁵ ODB. Vol. 1. P. 603.

²⁶ PLP. F. 1. № 1032.

²⁷ MATSCHKE K.-P. Fortschritt und Reaktion in Byzanz im 14. Jahrhundert. Konstantinopel in der Bürgerkriegsperiode von 1341 bis 1354. Berlin, 1971. S. 101-102. См. также: MATSCHKE K.-P. Rolle und Aufgaben der Demarchen in der spätbyzantinischen Hauptstadt. Ein Beitrag zur Rolle der Stadt und der städtischen Bevölkerung in Byzanz // Jahrbuch der Geschichte des Feudalismus. 1977. Bd. 1. S. 211-231.

²⁸ КУРБАТОВ Г.Л. Политическая теория в ранней Византии. Идеология императорской власти и аристократическая оппозиция // Культура Византии: IV – первая половина VII в. М., 1984. С. 107, 115-116.

большой группы статистов, в то же время это была мощная фоновая группа, без которой церемониальный спектакль не мог бы состояться. Не случайно энтузиазм народа планировано поддерживался раздачей денег в форме эпикомпиев. Однако в поздневизантийское время в церемониале и политической практике нет даже намека на какое-либо действие, напомнившее бы диалоги императоров и димов. В этот период не было даже заранее заготовленных славословий, как во времена Константина VII Багрянородного. Лишь дважды слышим мы голос народа в обряде коронации: это рефрены «Свят!» и «Достоин!» при возложении стеммы на голову коронуемого василевса. Народ был включен в подвергшийся значительной христианизации обряд²⁹. При несомненной формализации участия народа в этом обряде мы, однако, замечаем, что дважды в перечнях участников ритуала народу было отдано предпочтение перед армией³⁰, в том числе, что особенно заметно, в таком важном ритуале, как поднятие коронуемого василевса на щите. На основании «Трактата о должностях» Псевдо-Кодина мы можем наблюдать, что наиболее важные ритуальные действия приобретают свою значимость в связи с участием в них «толпы», «множества людей». Народ в рамках церемониального пространства был отнюдь не самой главной, но достаточно репрезентативной группой.

М.А. ПОЛЈАКОВСКАЈА
ЕКАТЕРИНБУРГ

KAISER UND VOLK IM BYZANZ DES 14. JH.S
IM RAHMEN DES ZEREMONIELLS

Der durch das Prisma des Zeremoniells von Ps.-Kodin vermittelten Idee der Kaisermacht liegt die Dreiheit «Herrschende – Armee – Volk» zugrunde, eine Konzeption, die seit frühbyzantinischer Zeit in Geltung war. Die Minimalisierung der Bedeutung des Volkes in der politischen Praxis der Palaiologenzeit steht zwar außer Zweifel, doch ist das Volk im konzeptionellen Bereich präsent, der sich im Zeremoniell widerspiegelte. Obwohl ihm, der «Masse», der «Mehrheit der Leute», den «Bewohnern der Stadt», im Ritual die bescheidene Rolle von Statisten zufällt, bildet es dennoch den Hintergrund, ohne dessen schmückendes

²⁹ Острогорский Г.А. Эволюция византийского обряда коронавания. С. 38.

³⁰ См. прим. 4 и 8.

Император и народ в Византии XIV в.

Beiwerk das Hofspektakel nicht auskommen konnte. Nicht von ungefähr wurde der Enthusiasmus des Volkes planmäßig durch die Verteilung von Geldern, Epikompien, unterstützt. Das Volk war miteinbezogen in das Ritual, das im Laufe der Jahrhunderte eine starke Verchristlichung erfahren hatte. Trotz aller Formalisierung des Rituals ist dennoch zu beobachten, dass in den Teilnehmerlisten dem Volke zweimal der Vorrang gegenüber der Armee eingeräumt wird, insbesondere, was sehr auffällig ist, bei der Schilderhebung des zu krönenden Kaisers. Anhand des Traktats des Ps.-Kodin «De officiis» lässt sich feststellen, dass die wichtigsten zeremoniellen Handlungen im Zusammenhang mit der Teilnahme der «Masse», der «Mehrheit der Leute» ihre Bedeutung erlangten. Das Volk war zwar im Rahmen des Zeremoniells keineswegs die Hauptgruppe, diente aber in hohem Maße der Repräsentation.